



В. ВЕДЕНЕЕВ, А. КОМОВ

**ПРЕМЬЕРА
БЕЗ РЕПЕТИЦИЙ**



Василий Веденеев

Премьера без репетиций

«Мульти Медиа»

Веденеев В. В.

Премьера без репетиций / В. В. Веденеев — «Мульти Медиа»,

1939 год. Западная Белоруссия. В некоторых воссоединенных районах обстановка еще не нормализовалась. Банды терроризируют население. По лесам и болотам еще прячутся разные молодчики из бывших легионов Пилсудского, польские солдаты и офицеры. Часть из них уходит за линию границы, чтобы организовать сопротивление немцам на территории Польши. Но есть и такие, что спелись с фашистами и с их помощью действуют против новой власти.

© Веденеев В. В.

© Мульти Медиа

Содержание

Предисловие	5
6 октября 1939 года	9
Минск	9
Забродь	13
7 октября 1939 года	17
Минск	17
Минск	19
8 октября 1939 года	24
Живунь	24
9 октября 1919 года	27
Смолевичи	27
10 октября 1939 года	31
Белая Вежа	31
Живунь	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

В. Веденеев, А. Комов

Премьера без репетиций

Предисловие

1 сентября 1939 года в 4 часа 45 минут германский линкор «Шлезвинг-Гольштейн» открыл огонь из всех орудий по польскому военному порту Вестерплатте под Данцигом. Немецко-фашистская люфтваффе начала бомбить населенные пункты и дороги. Сухопутные силы вермахта перешли границу Польши и двинулись в глубь ее территории... Началась вторая мировая война.

Нападением на Польшу германский империализм начал поход за мировое господство. Не сумев добиться сговора с Германией, Англия и Франция 3 сентября 1939 года объявили ей войну. Это был, однако, лишь формальный акт, отнюдь не означавший, что они собираются предпринять активные военные действия в защиту Польши. Англия и Франция безучастно взирали на то, как Германия расправлялась со страной, с которой они были связаны обязательством о предоставлении немедленной помощи.

Уже через две недели после нападения фашистской Германии польское буржуазное государство перестало существовать. Немецкие войска быстро продвигались к границам Советского Союза. Чтобы не отдать под гитлеровское иго население Западной Украины и Западной Белоруссии, попавшее в неволю к польским панам после первой мировой войны, Советское правительство взяло его под свою защиту. 17 сентября 1939 года Красная Армия перешла советско-польскую границу. Украинский и белорусский народы воссоединились в единых национальных советских республиках. Государственная граница СССР отодвинулась на запад. Советский народ, его Красная Армия, органы внутренних дел оказались лицом к лицу с готовящимся к войне немецким фашизмом.

После 17 сентября 1939 года недобитки из белопольских фашистских организаций «Пяст», «Скорая помощь патриотов польских», пилсудчики и члены других ультраправых группировок, ориентировавшихся на Германию, перешли в услужение к нацистским спецслужбам. Именно из их числа абвер формировал диверсионно-разведывательные группы и банды убийц, засылаемые на территорию СССР.

Перед приграничными органами внутренних дел встала новая ответственная задача: прочно закрыть государственную границу, не допустить проникновения в пределы СССР вражеской агентуры, ликвидировать банды и помочь населению воссоединенных областей наладить спокойную мирную жизнь. Об одной из операций по ликвидации вражеских банд и рассказывает повесть «Премьера без репетиций».

Предлагаемая вниманию читателей книга не документальна, хотя сюжет повести и основан на реальных событиях. Читатель встретится с героями повествования – сотрудниками НКВД Астаховым, Рябовым, комсомольцем-подпольщиком Алексеем Кисляковым и нашими врагами – начальником отделения абвера Ланге и главарем банды «Болотных духов» бывшим белопольским полковником Барковским. Немецкие спецслужбы после выхода на границы с СССР широко развернули антисоветскую «тайную войну», отличавшуюся особым коварством, изощренной жестокостью и оголтелой ненавистью к социализму. Шпионаж и террор, вредительство, бандитизм, распространение клеветы и дезинформации, попытки создать в приграничных областях «пятую колонну» – вот что имели своей целью такие, как Барковский, Ланге и их хозяева в Берлине. И чем яснее становилась иллюзорность их планов, тем сильнее была их звериная ярость.

Нелегкий труд работников органов внутренних дел требует высокой партийной ответственности за порученное дело, твердой воли и непримиримости к врагу, чуткого, бережного отношения к людям, политической зоркости и строгого соблюдения социалистической законности. Именно такими предстают перед нами герои повести.

Думается, что выход этой книги именно в издательстве «Молодая гвардия» имеет особый смысл и значение. Повесть с интересом прочитают тысячи молодых читателей. Она открывает малоизвестные, почти не освещенные в художественной литературе страницы героической истории работников органов внутренних дел. Уверен, что эта книга сможет служить воспитанию благородных чувств любви к Родине, стремлению к ее защите от врага, пролетарскому интернационализму.

Александр Косицын, Герой Советского Союза, генерал-майор внутренней службы, профессор Академии МВД СССР

...Освободительный поход Красной Армии на земле Западной Украины и Западной Белоруссии проходит в обстановке обостренной классово-борьбы. Контрреволюционные элементы из белопольской буржуазии и реакционного офицерства пытаются организовать на освобожденных территориях подпольную диверсионно-террористическую и повстанческую деятельность против наших войск и местного населения. Они создают в лесах антисоветские банды с тайными складами оружия, проводят диверсии в тылу Красной Армии, разрушают военную связь, нападают на мелкие группы красноармейцев, отдельных командиров и политработников. Известно о существовании польско-фашистских групп, которые поддерживают связь с немецкими войсками и фашистской разведкой...

Из стенограммы выступления наркома внутренних дел на оперативном совещании руководства НКВД Белоруссии. Минск, сентябрь 1939 года

...В настоящее время наши войска вошли в непосредственное соприкосновение с частями большевиков, стремящихся расширить влияние своего режима до пределов границ бывшей Российской империи. В этих условиях одной из основных задач является создание и надежное функционирование каналов для проникновения на территорию, оккупированную большевиками, и далее, в пределы непосредственно Советской России, специально подготовленных разведывательных и диверсионных групп.

Такие группы следует формировать в первую очередь из националистически настроенных местных элементов, заслуживающих доверие и доказавших свою преданность рейху, бывших польских военнослужащих, чинов жандармерии, полиции, хорошо знакомых с бытом, языком населения и местными условиями...

Из секретной директивы отделов «Абвер-1» и «Абвер-2»¹ управления «Абвер-заграница» верховного командования германской армии, направленной «Абверштелле» и «Абвернебенштелле»² восточных областей оккупированной Польши. Берлин, сентябрь 1939 года

¹ В ведении отдела «Абвер-1» находилась разведывательная работа. Отдел «Абвер-2» занимался организацией диверсионных актов террора, саботажа.

² Территориальные отделы (АСТ) и отделения (АНСТ) абвера в наиболее важных стратегических центрах, с мирное время – в военных округах.

Опять земля под крыльями ястреба стала грязно-бурой, а деревья из зеленых – блекло-желтыми. Какой была эта осень по счету? Десятой? Двадцатой? Кто знает...

Он всегда охотился один. Оперение со временем чуть потускнело, стало под цвет палого листа и пожухлой травы. Зато появились спокойствие и удачливость. А сила... сила оставалась с ним.

Три дня назад он простился со своим полем, лесом и рекой. Как и много лет назад, туда опять пришли люди с оружием, приползли серые глыбы, издающие лязг и грохот. И снова земля бугрилась, пытаясь подняться в небо, но грузно оседала вниз. И снова бестолково метались залитые кровью своих седоков кони.

Нет, выстрелов он не боялся. Этих выстрелов. Пусть глупые галки испуганно кричат и мечутся над землей, ища убежища и думая, что люди охотятся за ними. Он-то уж знал, что, когда люди охотятся на людей, им не до птиц.

Просто стало мало пищи. И еще не было тишины. Тогда голод погнал его в путь, дальше, на северо-восток. Здесь, среди болот, было тише.

Надолго ли? Когда начинается охота людей на людей, тишины уже не найдешь на свете...

Ястреб выбрал старое дерево, росшее на краю болот, около проселка, покрытого коркой подсохшей грязи. Опустился на сук, сложил крылья и, втянув голову, уставился на дорогу. Вскоре он увидел лошаденку, запряженную в телегу, и человека, ведущего ее под уздцы.

Человек тоже видел ястреба. На фоне холстинно-серого неба он показался странно вытянутым вверх наростом на мертвом суку. Лошаденка, приустав, шла понуро, поскрипывало колесо телеги. Глухо стучали копыта. Поравнявшись с деревом, человек осторожно, будто чего-то боясь, остановился. Подошел к стоящей под деревом фигуре божьей матери, грубо вытесанной из ствола сломанной липы. Взглянул вверх, на птицу. Взглянул с опаской – не выдашь? Потом обернулся по сторонам, запустил руку за спину фигуры. Пальцы его нащупали винтовочную гильзу. Снова боязливо осмотревшись, он вытряхнул на ладонь тугой бумажный шарик записки. Мгновение – и записка исчезла в кармане плаща. Еще мгновение – новая записка, и гильза пропала в тайнике. Через несколько минут только шум падающей листвы нарушал тишину осеннего дня...

Второй человек показался на дороге через час. Он ехал на старом велосипеде, вытертая почтовая сумка висела у него за спиной. Около фигуры божьей матери он тоже остановился и запустил руку в тайник. Он делал свое дело спокойно, казалось, ничего не боясь. И только когда захлопали крылья взлетающей птицы, испуганно присел и вжал голову в плечи...

А ястреб уже парил над болотами. Поймав восходящий поток воздуха, поднимался все выше и выше...

Мрачное место. Темные окна воды казались сверху провалами, уходящими в неведомую земную глубину. Гнилые стволы деревьев густо поросли лишаями и бурым мхом. Ни дорог, ни тропинок. И только на кочках, открытых скупому осеннему солнцу, яркими пятнами краснела клюква. Этой осенью мало кто приходил ее собирать. Те двое, что сидят в кустарнике на сухом островке, на клюкву внимания не обращали...

Двое на островке докурили, тщательно втоптали окурки в землю, осмотрели оружие и пошли по старой гати. Квадратные фуражки с белыми орлами. Голубые кавалерийские галифе. Добротные сапоги. На черном хrome – пятна болотной грязи.

С полкилометра прошли они, прежде чем достигли дороги, ведущей в ближайшую деревню. Осмотрелись. Спокойно выбрали место, как охотники, выследившие дичь. Молодой, в кожаной куртке, достал портсигар. Постарше – жестом остановил его. Затаились...

Ждать пришлось недолго. Сытый мерин легко тащил по дороге двуколку. Плотный, еще не старый человек в фуражке с красной звездочкой, о чем-то задумавшись, почти не правил конем.

Молодой снял затвор с предохранителя. Медленно повел стволом. Поймал в прорезь прицела звездочку на фуражке. Затаил дыхание. Плавно нажал на спусковой крючок...

Ястреб слышал выстрел. Он видел, как те двое подошли к двуколке. Молодой наступил ногой на фуражку. Повернулся к убитому. Второй хлопнул мерина по крупу, конь затрусил в сторону деревни. Привычно закинув карабины за плечо, двое закурили. Бросая друг другу редкие фразы, пошли в глубину болот.

Ястреб их не боялся. Когда люди охотятся на людей, им не до птиц...

6 октября 1939 года

Минск

И вот первый советский город. Ну, казалось бы, чего удивляться, город как город. Что, в Польше городов не видел? И все же здесь было не так. Не архитектура – даже самая необычная – душа города. Фотографии, картины и рисунки дадут представление об искусности зодчих, но не смогут помочь разобраться, чем он дышит и как живет. Тысячи людей, непохожих друг на друга, с разными привычками и вкусами, настроениями и интересами, но тем не менее приобретших волей судьбы определенное единение, встречаясь друг с другом на улицах, разговаривая, знакомясь и сердясь, создают неповторимый колорит города.

Есть города надменно и холодно блестящие, есть хмурые, настороженные и скучные, а есть веселые, радостные. Минск для Алексея был именно таким. И потом на улицах он встречал не просто людей, а советских людей, магазины – тоже советские, афиши незнакомых пока советских фильмов.

Он уже начинал себя ощущать частицей этой огромной, многоязычной, могучей и дружной страны. Теперь – навсегда! А совсем недавно...

Сентябрь обрушился лавиной с танковым грохотом, пушечными залпами... Еще вчера судороги лощеной шляхты: «Гибнет Речь Посполита! Немцы в Польше!» Паника. Мобилизация. Бегство. Наконец, Брест. Советские войска в Западной Белоруссии!

Новая, свободная жизнь начиналась удивительно хорошо. Секретарь райкома комсомола, старый знакомый Алексея по подполью, разложив перед собой папку с его рисунками, рассматривал их, многозначительно кивая головой:

– Слушай, да тебе учиться надо! Талант пропадает!

– Где учиться?

– Как где? В Москве, конечно. В художественном училище, там все академики по этой части.

– Скажешь тоже, в Москве! Кому я там нужен?!

– Чудак человек... Теперь не при панской власти живем. Жалко, конечно, будет тебя отпускать. Опыт имеешь. Я бы сейчас тебя в массы, на комсомольскую работу!.. Ну да ничего! Пошлем в Минск запрос на разнарядку в художественное училище. Будет у нас товарищ Кисляков народным художником... А пока у меня поживешь, отдохнешь, приоденем тебя, чтобы прибыл в Москву как надо... – И он весело подмигнул Алексею.

Вызов в Минск пришел неожиданно быстро. Райком выделил денег на дорогу. В тот же вечер Алексей и уехал, благо собирать ему было нечего.

...Алексей внимательно осмотрел темно-вишневую вывеску у входа. Может, ошибся? Вернулся на угол и снова сверился с бумажкой. Все правильно. Ему действительно сюда...

Военный у дубовой стойки, перегораживающей вестибюль, взял под козырек:

– Слушаю?!

На всякий случай Алексей протянул все свои бумаги. Постовой взял их и кому-то позвонил.

Через несколько минут в вестибюль спустился молодой военный.

– Кисляков?

– Да...

Алексею подали желтоватую картонку пропуска.

Они поднялись по широкой лестнице с полированными перилами, прошли по длинному коридору с множеством высоких дверей по сторонам. Щегольские хромовые сапоги спутника Алексея мерно и глухо постукивали по навощенному паркету.

Наконец у одной из дверей военный остановился и, распахнув ее, пропустил Алексея.

Приемная была большой и строгой. Тяжелые стулья у стены, отделанной панелями темного дерева. За темным же столом с многочисленными телефонами – молчаливый секретарь в форме без знаков различия.

– Подождите, вас пригласят, – сопровождающий вышел.

Алексей присел на стул. Прогудел зуммер.

– Кисляков! – сухо проговорил секретарь. – Заходите, вас ждут.

Кабинет показался Алексею немного сумрачным. Шелковые шторы на окнах приспущены. Старинные напольные часы в затейливо инкрустированном корпусе неспешно отсчитывали время. Рядом тяжелый сейф. Большие кожаные кресла. Двухтумбовый стол, покрытый зеленым сукном. И человек за столом – в военной форме, лет сорока, грузный, с выбритой головой, покрытой ровным загаром. Его крупные руки неподвижно лежали на сукне. На столе – бронзовый письменный прибор и папки в жестких картонных корочках.

Алексей не сразу заметил, что в кабинете есть и второй военный, сидевший в дальнем углу на диване.

Второй был подтянут, широкоплеч. Темные, чуть тронутые сединой волосы. На вид лет тридцать пять. В длинных пальцах – дымящаяся папироса. Рядом, на валике дивана, чугунная пепельница.

Алексей, войдя, остановился у дверей и поздоровался:

– Здравствуйте...

– День добрый... – Тот, что за столом, внимательно и испытующе посмотрел на него. –

Вы Кисляков?

– Да...

– Присядьте... – бросил человек за столом, показав на кресло. – Догадываетесь, зачем вас сюда пригласили? – Он явно вкладывал в свои вопросы какой-то особый смысл, совершенно непонятный Алексею. Стало тревожно.

– Не знаю...

Второй военный встал с дивана. Сидевший за столом тоже вскочил. Оказывается, молодой был здесь начальником.

– Нет-нет, Петр Николаевич, сидите. Я вот тут, – сказал он, садясь в кресло напротив Алексея. – Надо переходить к сути.

Петр Николаевич снова взглянул на Алексея и официальным тоном произнес:

– Есть мнение, товарищ Кисляков, дать вам поручение. Вот, значит, какое дело. Я правильно излагаю, товарищ Астахов?

Астахов чуть раздраженно взглянул на Петра Николаевича, потом – на удивленного Алексея.

– Ну не совсем так... Давайте-ка лучше знакомиться. Меня зовут Сергей Дмитриевич. А это мой заместитель – товарищ Рябов, Петр Николаевич. Так ты на художника собираешься учиться?

– Да... – смутился Алексей, – документы вот собрал, вызов получил...

– Хорошее дело. А если мы попросим тебя на время отложить учебу?

– Вот что... – облегченно вздохнул Алексей. – Пожалуйста! Я ведь и не особо надеялся. И без меня талантов полно. Ничего, вернусь в Брест. Дела теперь всем хватит. – Разве твой дом в Бресте?

– Конечно. Райком обещал комнату выделить.

Рябов и Астахов переглянулись, очевидно, ожидая услышать что-то другое.

– А раньше где жил?

– Где придется, там и жил... – теперь, когда, по его мнению, все прояснилось, Алексей почувствовал себя свободнее. Скованность пропала, и полный, бритоголовый Рябов уже не казался таким грозным. Наоборот, вроде даже очень добродушный дядя, напускает только на себя... – Когда отец с матерью погибли, я еще маленький был. Тетка к себе в деревню забрала. Как подросток, в Краков повезла. Учеником там в механические мастерские пристроился, учиться потихоньку начал. Потом в Западной Белоруссии в разных местах работал. Там и в комсомол вступил. Был в партизанах, связным был между подпольными райкомами комсомола. Пришлось и в Варшаве пожить, и в Белостоке. Даже с цирком-шапито поездил. А циркачи как цыгане – где ночь застанет, там и палатки разбиваем...

– Это Краков? – Астахов достал из папки, переданной ему Рябовым, рисунок.

– Краков! Откуда это у вас? Я рисунки в райкоме оставил...

– Твердая у тебя рука, толк будет. Это Варшава? – Астахов словно и не слышал вопроса Алексея.

– Варшава...

– И где ты такой красивый переулочек отыскал?

– У Аллей Иерусалимских... Пришлось некоторое время пожить там. Дефензива³ сильно донимала. Ну и нанялся я на работу. При антикварной лавке была реставрационная мастерская. Там и пристроился. С полгода или больше ни с кем из товарищей не встречался. Шпики покрутились, покрутились... Потом надоело, ничего же нет, отстали.

– А это кто? – Астахов достал лист с акварельным портретом пожилого мужчины в бархатной шапочке, отороченной мехом.

– Бывший хозяин. Богатый был. Солидная клиентура к нему приезжала.

– Где он сейчас, не слышал?

– Рассказывали, что завалило его с женой в подвале, когда немцы в первый раз Варшаву бомбили. Вообще-то жалко старика. Он, конечно, капиталистом был и все такое, но человек неплохой.

– Это и из рисунка видно, что ты к нему хорошо относился.

– Все одно не то... Если б подучиться, технику узнать! Может, вы хотите, чтобы я как художник помог?

– Об этом мы как-то не подумали, – усмехнулся Астахов. – Хотя, кто знает... Как считаешь, Петр Николаевич?

– Думается, Сергей Дмитриевич, товарища все же надо ввести в курс дела, как уже предлагалось, – Рябов стрельнул в Алексея взглядом. – А то он может подумать, что НКВД только картинки интересуют.

– Да-да... В курс дела... – эхом откликнулся Астахов, думая о своем. Он встал с кресла, подошел к Алексею, положил руку на плечо. Рука у него была небольшая, но тяжелая. – Ты про банды слышал?

– Доводилось...

– Тогда, наверное, знаешь, что кое-где в воссоединенных районах обстановка... – Астахов, щелкнув массивным серебряным портсигаром, достал папиросу, размял, прикурил, – еще не нормализовалась. Банды и контрреволюционные группы пытаются терроризировать население. А людям жить надо! Но в этих полесских деревушках каждый новый человек – как столб на юру – всем за версту видать...

– Это точно, – подтвердил Алексей. – Деревеньки-то, вески, по-местному, маленькие. Ну так дворов по сорок. Есть, правда, и больше...

³ Дефензива – политическая полиция, занимавшаяся в буржуазной Польше борьбой с левыми силами.

– Вот-вот... Надо учесть, что по лесам и болотам еще прячется кулачье, разные молодчики из бывших легионов Пилсудского, польские солдаты и офицеры. Часть из них уходит за линию границы, чтобы организовать сопротивление немцам на территории Польши. Но есть и такие, что спелись с фашистами и с их помощью действуют против нас. Соображаешь?

Алексей кивнул.

– Вы учтите, Кисляков, – подал голос молчавший до того Рябов, – мы не с поляками боремся, а с недобитками белопанского режима. Вот прищучим их – и нам будет спокойнее, и сами поляки потом быстрее нормальную жизнь наладят.

– А я-то что могу?

– Многое... Вернее, можете не так уж и мало, – Рябов полистал дело. – Комсомолец, были в подполье, Отец у вас русский. Правильно говорите по-русски, по-польски, на немецком можете объясняться, белорусский знаете. Даже в цирке успели поработать...

– Ну так как, согласен? – Астахов снова сел напротив Алексея.

– Как-то это все... – Алексей, подыскивая слова, развел руками. – А что мне надо делать?

– Поехать к тетке в деревню.

– К Килине?

Астахов кивнул.

– Сколько ты у нее прожил?

– Сколько?.. Значит, так... Отца в двадцать шестом убили, мать через год померла. Вот с двадцать восьмого по тридцать второй. Потом она меня в Краков к знакомым определила, в люди выходить. У ней самой-то все хозяйство курица за пяток минут пешком обойдет. Да и здоровье...

– Так ты ее больше и не видел?

– Почему? Приезжала проведать. Все ж последняя родня. И я писал. Сама-то она неграмотная, соседи читали.

– О твоей подпольной работе она ничего не знала?

– Откуда? Кроме райкомовских, обо мне никто ничего... Такие обязанности были. А что у Килины делать?

– Это мы тебе объясним попозже, если ты согласишься.

– Я могу... – Алексей замялся, подбирая нужное слово.

– ...отказаться? – закончил за него Астахов. – Можешь! И в Москву учиться поедешь без всяких задержек. Здесь тебя никто не неволит. Но я тебя прошу – подумай о нашем разговоре. Я распоряжусь, секретарь устроит тебя в общежитие. Вот тебе телефон, держи. Завтра в девять позвони. Договорились?..

Забродь

Забродь затаилась. Затаились и другие города Польши, попавшие осенью тридцать девятого в руки немцев. Везде запестрели листочки с новыми правилами, распоряжениями и предписаниями, разнообразными по содержанию и однообразными в конце: за невыполнение смерть.

Но в Заброди было совсем плохо. Он стал городом пограничным, и потому проворные и мрачные греницшутцены⁴ быстро переплели весь город спиралями из колючей проволоки и перегородили его полосатыми шлагбаумами. Но и это не все. Забродь попала еще и в руки немецких спецслужб.

Начальника АНТС,⁵ улыбчивого майора Ланге, в отличие от его гестаповского коллеги герра Келлера, почти никто не знал в лицо. Хотя он каждый день в любую погоду совершал утренний моцион. Просто, по роду службы, ему популярность была не нужна. Зато о других Ланге всегда старался знать как можно больше.

Ланге⁶ удивительно не подходил к своей фамилии. С самого отрочества его рост был ниже среднего. Еще в гимназии приятелям это давало пищу для злых шуток: они подставляли фамилию к разным частям тела.

Сейчас детские обиды забылись. Наоборот, несмотря на то, что он так и остался низкорослым, а небольшое брюшко делало его еще приземистей, Ланге считал, что ныне его фамилия очень точно раскрывает его способности как разведчика.

Гордился Ланге и своим прекрасным здоровьем, которое он берег и всячески о нем заботился. Выкуривал не более пяти сигарет в день. А с тех пор, как стал заметно прибавлять в весе, ограничил себя двумя кружками пива.

Но здесь, в этой вонючей польской дыре, разве найдешь приличное пиво? Поэтому в последнее время он предпочитал выпить рюмку коньяку.

Коньяк коньяком, но все-таки какое пиво дома, в Баварии! А колбаса! Надо сказать Келлеру, пусть его ребята достанут кровяной колбасы и заодно приличный коньяк – Вайнбранд⁷ порядком осточертел.

При мысли о начальнике ГФП⁸ Ланге помрачнел. Дернул же черт вчера сесть с ним за карты. И вот, пожалуйста, трети месячного жалованья как не бывало. Свинья этот Келлер! А денег всегда так жаль!

Впрочем, вскоре лицо Ланге разгладилось, печаль исчезла, и, заложив руки за спину, он все так же неторопливо вышагивал по улицам Заброди. Даже принялся напевать старую корпорантскую песенку:

Выходи в привольный мир,
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина – трактир,
Нам пивная – божий храм!

⁴ Немецкая пограничная охрана.

⁵ АНТС – отделение абвера.

⁶ Длинный (нем.).

⁷ Сорт немецкого дешевого коньяка.

⁸ Тайная полевая полиция. Гестапо на местах и в армии.

После польской кампании, говорят, ожидаются досрочные присвоения званий. А ведь Польша – это только начало. Теперь главное – не упустить момент! Надо окончательно решить, где обосноваться – здесь, на востоке, или лучше проситься на запад.

Наверное, лучше здесь. Польская разведка была уничтожена стремительно, как по писаному. За акцию отвечал капитан Фабиан. По указанию адмирала Канариса он создал три моторизованные группы под командованием лейтенантов Булана, Шнейдера и Енша, которые точно рассчитанными ударами парализовали польские разведцентры. После этого серьезного противника здесь не стало.

Больше беспокоили его русские. То, что с ними надо будет воевать, понятно. Когда? Неизвестно. Их разведка, говорят, традиционно сильна. Но вот непосредственно с будущим врагом в своей работе он еще не сталкивался.

Однажды Ланге из большого любопытства даже поехал на встречу с русскими, когда, собственно, ехать ему не следовало, по вопросам уточнения линии границы.

Да, странное чувство он испытал, увидев перед собой «живого скифа». Тот появился в защитной фуражке с большим козырьком, отутюженной гимнастерке, со шпалой в петлицах. Представитель неполноценной расы, но хорош! Ланге заговорил с ним на русском, благо к языкам у него всегда были способности, и более-менее прилично объясняться на этом варварском языке он научился с полгода назад у какого-то обедневшего эмигранта. В ответ русский улыбнулся и переспросил на чистейшем немецком, да еще с берлинским произношением. Ланге не только удивился, но даже немного обиделся. Неужели он так плохо объясняется по-русски? Ах, говорит он понятно, но по-русски это звучит слишком старомодно... Бывает. И они неплохо поговорили на немецком. Только Ланге ничего конкретного не смог уяснить после этого разговора. От всех каверзных вопросов «скиф» вежливо и умело уходил.

Потом многие часы Ланге и его люди наблюдали в сильную оптику за русскими, изучая местность. Готовил майор и агентов, которых направляли туда. Только все это было похоже на швыряние камешков на лед – на речку попадают, а до дна не достают. Конечно, надо уже активно подключать и перевербованных поляков. Да все это не то. Нужен был русский. И лучше, если не один. Вот тогда можно было бы играть. А то быстрее, быстрее... Ланге поморщился, вспомнив, как недавно его отчитывал этот выскочка с красными лампасами.⁹ Он, Ланге, видите ли, медлителен в последнее время, по его вине у генштаба нет полных данных о русских. Можно подумать, у других лучше... А торопиться он не будет. Если быстро появятся нужные данные, опять какая-нибудь шкура наверху припишет все заслуги себе! Нет уж, научены! Тем более сейчас скорее всего еще не время включаться полностью. «Скифов» нельзя настораживать. Чуть-чуть побольше работы, но не слишком активно...

Который теперь час? 11.33. Пора навестить полковника. Человек, приставленный к нему, сообщает о нарушениях инструкций. Вместо дела полковник позволяет себе шалить и занимается черт-те чем! Необходимо поставить его на место.

Ровно в 11.45 Ланге поднимался по темной облезлой лестнице частного пансиона «Астория-экстра».

Отель, уже забывший свои лучшие времена, Ланге облюбовал сразу, как только обосновался в Заброди, и превратил в место конспиративных встреч со своими людьми.

По длинному коридору второго этажа Ланге подошел к двери комнаты, где жил единственный постоялец. Требовательно, жестко постучал.

– Момент! – отозвались из-за двери приятным баритоном.

Мимо Ланге из открывшейся двери проскользнула к лестнице молодая дама. Он проводил ее глазами. Полненькие, конечно, ему нравятся больше, но в данном случае можно было бы поступиться своими принципами...

⁹ Красные лампасы у немецких офицеров указывали на принадлежность их к генеральному штабу.

Ланге перевел взгляд на высокого мужчину, стоявшего в дверях. Тот, пропуская Ланге в комнату, посторонился почтительно, но без заискивания.

«Хоть бы смутился», – раздраженно подумал Ланге, вспоминая встречу с молодой женщиной.

– Прошу простить за беспорядок. Присаживайтесь, – любезно предложил хозяин. – Здесь вам, надеюсь, будет удобно.

– Ничего, ничего, полковник, – Ланге сел в кресло у стола, снял перчатки и, закурив, пустил дым в деревянный некрашенный потолок. – Развлекаетесь?

– Жизнь коротка, пан майор, особенно при нашей работе, – высокий небрежно накрыл постель старым коричнево-розовым покрывалом. – Надо спешить срывать цветы удовольствия.

– Да-да... – пробормотал Ланге и ткнул сигаретой в сторону двери. – Фрау Согурска?

– От вас ничего не скроешь. Извините. – Хозяин надел мундир белопольского полковника.

– Ну это-то скрыть трудно. Словно вам неизвестно, что пансионат под негласной охраной. А вы приглашаете в гости женщину, которая не значится в нашей картотеке. Справки у нас наводятся быстро...

– Можно подумать, что пан майор завидует! – Хозяин сказал эти слова все так же почтительно, но легкий оттенок иронии Ланге почувствовал.

– Я? Нисколько... – Этот раунд пикировки он проиграл, но проигрывать не любил и потому решил поставить высокого на место.

– Кстати, снимите эту тряпку, – Ланге небрежно кивнул на мундир. – Вашей опереточной армии больше не существует. В этом я велел вам ходить на болоте, пусть большевики считают, что мы там ни при чем.

Удар был точным. Хозяин заиграл желваками и тихо сказал:

– Я полагал, что в этой комнате могу ходить в чем хочу.

– Хорошо, хорошо! – Ланге примирительно махнул рукой. – Но не стоит забываться.

– Учту. Благодарю вас.

Разговор уже шел в деловом тоне, и вел его Ланге.

– Я недоволен вами!

– Вам пожаловались дамы? – Хозяин попытался отшутиться.

– Не паясничайте... – резко оборвал немец. – Вы знаете, что я имею в виду.

– Слушаю вас, – подтянулся высокий.

– Мы ценим ваши заслуги. Но жить одним прошлым?! Новое время, новые обстоятельства...

«...и новые хозяева», – добавил про себя высокий... – ...требуют доказать, на что вы еще способны.

– Стараюсь. Пан майор может быть уверен!

– Знаю я ваши старания, – сказал Ланге и выразительно посмотрел на плохо застланную кровать. – Помните, что ваша жизнь связана с нами, с великой армией рейха.

– Но мои люди...

– Что ваши люди? – подался к нему Ланге. – Убили двух-трех коммунистов, застрелили большевистского сельского старосту... И этим наверняка привлекли к себе пристальное внимание НКВД. Из-за пустяков «засвечивать» группу? Не за тем вас посылали туда.

– Пан майор знает, что ничего не делается сразу. – Хозяин был явно удивлен тоном Ланге.

– Да, пан полковник, знает! – Ланге произнес «пан» с максимальным сарказмом. – А еще пан майор знает, что вы вместо выполнения порученных вам заданий занялись тривиальным грабежом!

– Позвольте заметить, что у пана майора не совсем верная информация.

– Верная. Не сомневайтесь. Какая стоит перед вами задача?! Разведка, разведка и еще раз разведка! Будут ли большевики демонтировать свою «линию Сталина»¹⁰ и переносить или строить такую же на новой границе, когда она установится окончательно? Какие документы имеют местные сельские жители? Чем они отличаются от документов, выдаваемых в городах? Образцы этих документов. Вводят ли большевики комендантский час? В какое время? Дислокация воинских частей: где и какие подразделения стоят, численность и вооружение гарнизонов? Какие документы имеют русские военнослужащие различных званий и родов войск? Строят ли большевики аэродромы? Если да, то где и какие? Как используют старые? И вообще, черт побери, что делают там красные войска? Вы должны заниматься тем, чем я велю, ясно?! Только этим! А вы стремитесь застрелить всех коммунистов по одному. Заодно пройтись и по брошенным поместьям и костелам. Прекратите заниматься ерундой! Когда нам нужен будет тотальный террор, вам сообщат, развлекайтесь на здоровье. Надеюсь, вы понимаете, что ответить за все должны не отдельные мужики, а все большевики сразу. – Ланге щелкнул портсигаром, закурил. – Запомните, ваши ближайшие задачи...

Через сорок минут Ланге спускался по лестнице. Он был доволен встречей.

Подчиненных надо держать в напряжении и поменьше хвалить. Пусть всегда чувствуют зыбкость своего положения, зависимость от него, их начальника. Полковник представлялся ему червячком, который хотя и извивается, но у него на крючке. И его работой он в принципе был доволен. Главное, чтобы он сберег «тропинку» туда, к большевикам, пока еще не установилась точная граница. «Тихая банда»! Недурно! Именно на полковнике он решил опробовать свою идею маскировки разведывательно-диверсионной группы под вульгарную банду!

Полковник, стоя у окна, проводил взглядом фигуру майора, шедшего по пыльному двору. Отвернулся. Вдохнул запах сигарет, оставшийся после Ланге, поморщился. Достал из кармана сигару, аккуратно обрезал ее кончик специальными щипчиками, прикурил и завалился на кровать. Расстегнул ворот мундира и с минуту наблюдал за сизыми узорами дыма.

«Надоело все до дьявола! Надо скорее уходить. Судя по всему, скоро в этой Европе будет нечего делать порядочному человеку!...»

¹⁰ «Линией Сталина» немцы именовали ряд укрепленных районов по линии государственной границы, существовавшей до сентября 1939 года.

7 октября 1939 года

Минск

Старенький стол у небольшого окна, железная кровать, выкрашенная в серо-голубой цвет, под потолком – тусклая лампочка на витом толстом шнуре. Неуютная комнатка маленького общежития. Впрочем, Алексей не обращал внимания на неприветливость своего временного жилища.

Надо было сделать выбор. Выбор, который мог резко изменить все его будущее.

Он сидел за столом и чертил на бумаге непонятные узоры. Это успокаивало.

«Глупо, очень глупо! – Он со стыдом вспоминал свое поведение в наркомате. – Как же это я?.. Так растеряться! И после этого еще решились предложить что-то серьезное?»

Алексей тяжело вздохнул. На листе появилась крутая изломанная линия...

«Да, предложили... – Мысли вернулись к главному. – А почему, собственно, я?..»

Да, хватило ему лиха. Мальчишкой потерял отца, мать, дом. Потом жизнь у Килины.

Хлопотливая она. То по хозяйству возилась, то с ним, с маленьким. А по вечерам рассказывала сказки и жуткие истории о знаменитом разбойнике Павлюсе и наивно мечтала, что ее Алеша вырастет сильным и счастливым. Только ждать в Живуни счастья, что твою сказку, а в жизни – лихолетье, недород, долги...

Как подросток, стал помогать тетке. Но не тянуло его к деревенской жизни, равнодушен он был к хозяйству, хотя и работал не жалея себя.

Килина видела, как племянник каждую минуту рисовал на полях дешевых книжек, которые из Белой Вежи привозил и продавал скорняк Алфим. Как из глины фигурки лепил.

Собрала она скудные свои средства и отвезла его в Краков к дальним родственникам. Те мальчишку к себе не взяли, но помогли пристроить в механические мастерские. И то хорошо – слесарем можно было стать, да и с голоду ноги не протянешь.

В городе пришлось не легче, чем в деревне. Голодно. Пошел подрабатывать. Мыл полы в парикмахерской, помогал в переплетной мастерской, чинил велосипеды, примусы, швейные машинки. Выкраивал еще деньги, чтобы тетке выслать. Долг не долг, а помогать надо. Потом хозяин закрыл мастерские, уволив всех – работы нет. Стал перебиваться временным заработком...

«И вот теперь, когда я сам могу выбирать то, что мне нравится, надо от всего отказаться? Я не умею бороться с бандитами! И не хочу учиться этому! Не хочу притворяться, обманывать и унижаться!»

...На бумаге появляется квадрат, треугольник, еще квадрат...

«А каким художником ты станешь? Что сможешь дать людям? Это еще неизвестно! Пока никто твоим живописным опытам оценок не давал. Солидная комиссия... Что-то скажут мастера?..»

...Овал, трапеция, квадрат...

Комсомольцем он стал в пятнадцать. Сама жизнь подсказала, с кем идти. Желания сделать все, что поручали, как можно лучше, хватало. Не было еще осторожности. Потому и попал быстро, почти сразу, на заметку полиции. Посадили на полгода в тюрьму. Там он узнал издевательства, побои, ночные допросы.

Товарищи с воли помогли так запутать следствие, что в конце концов его отпустили. Правда, под надзор полиции. Зато на свободе.

Чтобы окончательно отвести подозрения, Алексея устроили на работу в типографию издательства Ваньковского «Рой», где печатались антисоветские книжонки таких подонков,

как Пясецкий, бывшего когда-то подручным Булак-Булаховича, а потом провозгласившего себя писателем. «Пятый этаж», «Равные богам ночи» – даже не читая, набирать противно. Алексей не выдержал и ушел. Товарищи его отругали, объявили выговор, но нашли другое место. После типографии Ваньковского антикварный магазин и реставрационная мастерская при нем показали Алексею раем. Хозяин, богатый польский еврей, прошлым Алексея не интересовался. Работай – все. Задуришь – выгоню.

В мастерской бледный, все время кашлявший художник-реставратор заметил способности Алексея к рисованию и начал заниматься с ним.

Там он и отсиделся. Через полгода ему дали сложное задание – установить и поддерживать постоянную связь между организациями. Для этого он и устроился в цирк.

Там пробыл до начала войны...

«А что, собственно, бандиты? Почему обязательно отказаться?»

...Многоступенчатая пирамида, цепочка странно вытянутых полуокружностей...

«Но ты же всегда хотел рисовать. Наедине с самим собой не надо притворяться. Ехать учиться? Ответить завтра «нет» – и в Москву? Конечно, меня могут осудить, сказать, что испугался. Ну и пусть! Я хочу учиться любимому делу».

...Круги, треугольники, параллелепипеды. Они сплетаются в замысловатые узоры, заполняют весь лист, переползают на новый, что появляется взамен изрисованного...

«Вот, значит, как ты отплатишь тем людям, у которых рос? Пусть каждый раз, встречая нового человека, они испуганно вжимают голову в плечи, ожидая удара, а то и выстрела. «Пацификацию кресов»¹¹ не так просто забыть. «Умиротворение районов» – звучит почти романтически. И как совсем не романтически шляхтичи жгли древни, где жили белорусы и другие «чужаки», оставляя после себя пепелища и трупы.

А ведь сейчас именно от тебя зависит, чтобы твои же соотечественники скорее почувствовали себя свободными от страха людьми! Конечно, я не единственный, кто может сделать это. Но если каждый станет отказываться? Давать согласие?..»

...Кривая линия спрямлена, угол заштрихован...

«Сколько же все это продлится? Месяц? А может, год и два? Езус Мария, два года! И еще лет пять учиться. Сколько же мне исполнится после окончания? Двадцать шесть! Почти старость. А вдруг найдется выход и мне не нужно будет ехать в Живунь? Так хочется увидеть новую жизнь».

...Плетутся цепочки фигур, исчерчиваются листы. Но все неувереннее становятся линии...

Сомнения остались. Но решение принято.

Карандаш лежит на чистом листе. Тусклая лампа погашена. Как легко в молодости заснуть! Даже когда так много проблем...

¹¹ Планомерное уничтожение белорусского населения в панской Польше, осуществлявшееся режимом Пилсудского.

Минск



Астахов вдруг заметил, что перестает улавливать смысл того, что читал. Устало он посмотрел на толстую стопку еще не прочитанных документов. Входящие, исходящие, шифровки, ориентировки – бумаги, бумаги, бумаги. И все это надо обязательно, как можно скорее просмотреть. Вот оно, горячее время на новом посту. Сергей Дмитриевич устало откинулся на спинку стула.

Надо же, когда ему вручали орден и поздравляли с назначением на эту должность, он еще радовался – думал, сможет немного отдохнуть на спокойной кабинетной работе. Сиди, распишывайся в документах и давай распоряжения подчиненным, которых, слава богу, достаточно. Такие вот картинки виделись. Беспокоился еще, чем будет заниматься в свободное время.

Где оно, свободное, где оно, время? Любая оперативная работа какой угодно сложности не идет ни в какое сравнение вот с этим «уютным» кабинетным коротанием ночей. Там, в былой его работе, в крайнем случае последним аргументом может стать отличное владение своим телом и оружием. Здесь же врага надо передумать. А это много трудней, чем победить

в открытом бою. Вот тебе и тихое место. Когда последний раз он выспался? Астахов с грустью посмотрел на широкий мягкий кожаный диван.

Почему-то сослуживцы уверены, что ему хватает всего трех часов сна, чтобы быть свежим и отдохнувшим. Кто пустил этот слух? На самом же деле Астахов любил спать. И не просто спать, а спать долго. А проснувшись, поваляться в теплой постели, не сразу расставаясь с ласковой утренней полудремой.

И вообще, отдых – это прекрасно. На юг сейчас бы, да не одному. Вон сколько лет, а ходит до сих пор незасватанным, незавенчанным. Скоро можно будет по возрасту перевести себя в старые деvy.

Сейчас бы познакомиться с хорошей женщиной, красивой и нежной. И, как в молодости, голову потерять, забыв обо всем. А там уж и руку с сердцем предложить можно...

«Стоп, Сергей Дмитриевич, стоп. Что-то ты вразнос пошел. Еще немного – и начнешь горевать о своей тяжелой мужской доле. Сон, женщины... На данный момент у тебя не то что на женщин, а даже на мысли о них времени нет».

Астахов грустно вздохнул и решительно вернулся к делам. Без ложной скромности можно было сказать, что идут они совсем неплохо. Практически все действующие банды уже блокированы. И немецкая агентура не растворилась среди населения, как этого хотелось бы новым соседям по границе. А территория-то как-никак с европейское государство приличных размеров.

Неплохо... А люди гибнут. И та небольшая бандгруппа, что все время исчезала в полесских болотах, очень беспокоила Астахова. Другие банды прямо на рожон прут, а эти раз высушались и затихли. И никак не удается их нащупать. Сидят там, как гнойник, зреют. Не дай бог, гнойник этот прорвется в неожиданном месте. Почему они неактивны? Ждут, как больнее ударить? Или «сосут» разведывательную информацию? А вдруг и то и другое вместе? Тогда они вдвойне опасны. Но догадываться мало. Нужно знать.

Астахов налил из стоящего на подоконнике чайника стакан крепкого чая и снова склонился над сообщениями: «...недалеко от деревни Голово банда численностью до 20 человек обстреляла группу бойцов Красной Армии, оказывавших помощь местному населению в ремонте моста. В завязавшейся перестрелке 8 нападавших были убиты. Остальные отступили. Командовавший бойцами младший политрук Кириянов А. К. организовал их преследование силами двух отделений. В результате остатки банды были прижаты к реке и уничтожены....Группа неизвестных лиц, одетых в форму РККА, совершила нападение на почтовое отделение поселка Жаворонки. Нападавшими был убит начальник почтового отделения Яценко П. А. Милиционер Кривошей И. Г., собрав активистов из местного населения, организовал вооруженный отпор бандитскому нападению, не допустив повреждения линий телеграфной и телефонной связи и расхищения почтового имущества. Двое из нападавших были убиты. Остальным удалось скрыться...

...В 20 километрах восточнее Белостока, в лесу, местными жителями обнаружен труп раздетого до нижнего белья мужчины с раздробленной затылочной частью черепа. Установлено, что убитым является старший лейтенант РККА Мироненко Павел Иванович, 1912 года рождения, выбывший из своей части в служебную командировку...»

Дочитать не удалось. Зазвонил телефон, и через несколько минут в кабинет вошел его заместитель Петр Николаевич Рябов. Он всегда, даже если его перед этим приглашали, предварительно звонил и спрашивал разрешения.

– Чаю хотите? – предложил Астахов. – Правда, немножко остыл.

– Не откажусь, – Петр Николаевич взял стакан, но, отпив глоток для приличия, сразу же поставил его на стол. Раскрыл папку, достал бумаги.

– Что-нибудь интересное? – Астахов долил себе кипятка.

Рябов неопределенно пожал плечами:

– Вновь подтверждается факт существования болотной банды... Но никакой дополнительной информации.

– Что у нас с расследованием убийства председателя сельсовета? Ведь это, как я помню, в районе действия этой банды?

– Тоже ничего нового. Нет зацепок.

Помолчали немного.

Астахов ждал, что еще скажет Петр Николаевич. Наверняка выскажет свои соображения о ходе расследования. Не из-за одного же подтверждения существования болотной банды он пришел сюда? Это вполне могло бы потерпеть до утра.

Астахов никак не мог составить определенного мнения о Рябове. Формально, человек он достойный и положительный, прекрасный семьянин, радушный хозяин дома, отец двоих дочерей. Умеет думать, храбр, вынослив. Обладает прекрасной памятью – недавно на совещании почти дословно процитировал ориентировку, прочитанную всего один раз за полторы недели до того. Бегло и почти без акцента говорит по-немецки.

Только радоваться, что послал тебе случай такого заместителя... Но Астахов почему-то не любил его. Все его заместитель делал правильно, да уж слишком правильно... Рябов, немного выждав, действительно начал подробно перечислять, что сделано для раскрытия того убийства на лесной дороге у болота...

– За несколько дней наши работники опросили множество людей. Никакого толка. Все как воды в рот набрали. Молчат или отнекиваются, мол, ничего не знаем, никого не видели...

– Этого и следовало ожидать. Люди говорить не хотят, – заметил Астахов. – Они видят реальную угрозу себе и близким. Мы для них пока защита абстрактная. Еще не доказали, что можем стать настоящей. Красная Армия уже здесь была в 20-м году и ушла. Это знают и помнят...

– Да, не доказали... Я, конечно, понимаю, пропагандистская работа среди населения воссоединенных районов, политическое просвещение и так далее. Но не забывайте об усилении классовой борьбы. В данном случае мы сталкиваемся с проявлением типичного вредительства действиям представителей власти...

Рябов в конце как-то запутался в словах, и это неприятно резануло слух.

Астахов с интересом посмотрел на Петра Николаевича.

– Вы не находите, что в последнее время изыскивать вредительство стало своеобразной модой? Поветрие какое-то: все ищут врагов народа. Врагов у нас и так хватает, и вредительство есть, но не в таких же масштабах! Нельзя проявление естественного для человека стремления к безопасности расценивать как диверсию. Так мы никому не докажем, что Советская власть не только сильная власть, но и справедливая!

Астахов заметил, как Рябов насторожился при упоминании о вредительстве, и для убедительности снова вернулся к своим словам:

– Вредительство... Вы помните позицию ЦК? Там подобные действия расцениваются как головоуятие! Банды уничтожим, быт поможем наладить на современном уровне, и эти самые ваши «враги» станут настоящими советскими людьми и патриотами. И такие, как Кисляков, нам помогут.

– Тогда-то, может, и помогут, – пробурчал Петр Николаевич, – а вот в нашем деле... Признаюсь честно, не нравится мне ваша затея с Кисляковым. Я, разумеется, имею поменьше опыта, чем вы, но не нравится. Иди, называется, туда, не знаю, куда! Вот, значит, какое дело...

Астахов понял, что Петр Николаевич вышел на основную тему разговора, зачем он, собственно, и пришел.

– Незвестных, согласен, хватает, – сказал он. – Действительно, странная банда. Вы обратили внимание: они упорно держатся в глубине болот, рядом с линией временной границы?! Как привязанные. Ни разу не напали ни на склады, ни на магазины, ни на армейские обозы.

Нет у них чисто уголовных проявлений. Нет, и все! Кстати, болота для них и так пока неплохая защита, а они убивают советских работников в деревнях около болот. Предпринимают дополнительные меры предосторожности? Засады они обходят так, как будто заранее знают, где те расположились. Почему их не волнуют вопросы продовольствия? Чувствуется профессиональная рука...

– Вот-вот! Все откроет, все разоблачит этот сопливый мальчишка. Художник, видите ли! Да они его раскрутят в момент. Я с ним, вот ведь какое дело, серьезно разговариваю, а он... Ни тебе четкости, готовности... – Петр Николаевич махнул рукой.

– Ну, положим, тут и опытный человек не сразу разберется. А вот насчет наивности... Не думаю! Подполье – хорошая школа. Додумался же он наладить связь подпольных райкомов, передвигаясь с цирком.

– Связной хороший, кто ж спорит. – Рябов не сдавался. – Но здесь он сам будет и командиром, и связником. Один против всей своры. Потянет ли? Рискованно...

– Рискованно? – задумчиво переспросил Астахов. – А как в нашем деле без риска? Да и не один он будет. Там, как вы помните, есть наш человек. Не очень опытный, но все же двое... И потом, что у нас за разговор о Кислякове, словно он ничего не знает и не умеет? Вспомните, вышли мы на него по рекомендации товарищей из Компартии Западной Белоруссии, знающих его по подполью. Не случайный человек. Хорошо знаком с законами конспиративной работы и, самое главное, имеет опыт выявления пособников и провокаторов дефензивы.

– Да-да, – вяло кивнул Рябов. – Но не помешает ли ему то, что он там, в деревне этой, практически свой?

– Ну, не скажите, – горячо возразил Астахов. – Чужой, ни с того ни с сего появившийся у болот, насторожит банду. Они его просто ликвидируют, не разбираясь. Должны же быть у них свои люди в ближних деревнях. А наш парень местный. Легенду и придумывать не надо – переработать немного биографию, кое-что добавить, кое-что убрать. Ему проще выявить осведомителей банды и хотя бы примерно установить место расположения ее базы. Все! Ну, возможен вариант прямого контакта. Вот тут-то и сыграет свою роль то, что он местный. Легенда поможет, опыт..

– Сергей Дмитриевич, но у нас там есть человек. Может, лучше ему доверим? Постарше все же...

– Не в годах дело. Здесь опыт нужен, сила. А тот человек будет хорош как помощник. Самостоятельное задание ему нельзя давать. Не справится. – Астахов потянулся за папиросой, закурил и уже чуть грустно добавил: – Я бы с большим удовольствием отправил его в Москву, пусть лучше там борется за новые пути в искусстве, чем здесь ползает по болотным тропинкам. Но обстановка, Петр Николаевич... Не нравится мне активность наших новых соседей по границе... Как бы...

– Ну это вы уж слишком, – вскинул брови Рябов. – Сразу о войне?! Не посмеют!

– Как знать? Я бы только радовался, если бы ошибся. Но банда! Банда... А вдруг это совсем не банда...

Петр Николаевич удивленно посмотрел на своего начальника. Переутомился? Но тот спокойно и задумчиво еще раз просматривал последние донесения из того района.

– Как же вот это? – Петр Николаевич показал с бумагах подчеркнутые строчки.

– Верно, взяли антиквариат, картины, особо ценные ювелирные изделия. А может, нас этими мелочами отвлекают? Посмотрите, они были замечены охраной около аэродрома. Не вступая в перестрелку, отошли. Есть случаи безвестного исчезновения военнослужащих в границах предполагаемого района действия бандгруппы. Это на северо-запад от болот. А на юге? Сделана попытка проверить систему охраны линии временной границы и назад, в болота... Потом сунулись к железнодорожному разъезду. Их и там отогнали. И снова они растворились в болотах, как туман.

В интересных местах они появляются, вы не находите? Это похоже на работу своеобразной разведывательно-диверсионной группы. Такие засылаются во время военных действий. И, может быть, у них на границе «окошко» есть, через которое они поддерживают связь с немцами?

– Это же упрощает все наши действия, – Рябова тоже озарила мысль. – Никого не надо посылать. Подключаем войска. Прочешем и уничтожим.

– Тогда уж и флот подключим для размаха. – Астахов чуть рассердился, но сразу же взял себя в руки. – Извините... Вы забываете про болота, плохо известные нам. Десяток опытных людей там уничтожат батальон. Пока не подморозит, мы туда с крупными силами не сунемся. Да и какие крупные войсковые операции на виду у немцев! Линия границы только-только устанавливается. Они сразу шум поднимут – провокация, нарушение! Войска привлекать надо, но для групп прикрытия, чтобы перекрыть им ходы-выходы.

– Да! Вот, значит, какие дела. Ладно, я пока свяжусь со школой, пусть подготовят все необходимое. Завтра съездим.

– Если он согласится на наше предложение...

– Ну, это я возьму на себя. Комсомол подключим, общественность...

– Нет. Здесь каждый сам должен решать, без общественности...

8 октября 1939 года

Живунь

Странным мужиком был Аким. Вроде как все. А вроде и сам по себе. Лет шесть, как он пришел в эту деревню. Сутулый, с редкой порослью на голове, с какими-то несуразно длинными руками. Купил здесь задешево хатку и зажил со своей бабой.

Чего где миром делали, Аким был с мужиками заодно. А своим не стал. Так, почесать язык да самогонки выпить. И то все больше отмалчивался, слушал. Попервости ходили по деревне толки, что хранит он какую-то тайну. Но со временем о тайне говорить перестали. Аким прослыл просто нелюдимом: всегда себе на уме. Чужих к своим думам не подпускал. Да что чужих – жену разговорами не баловал. Больше о хозяйстве речь вел.

А уж на что та внимательной к нему была. Баба она заметная – высокая, на полголовы выше Акима, издали – так вообще красавицей казалась. Не то чтобы любила она своего Акима – какая здесь любовь с их-то жизнью. Так, привязалась к мужику с годами. Не осталось на белом свете у нее родни. Он ее еще девчонкой взял, когда родителей в холодный и голодный год схоронила. С тех пор с ним. Прикипела.

Шесть лет прошло, а Аким все не мог свыкнуться со своей ветхой хаткой. Не становилась она родной. Никакие заботы ей уже не помогали. Поначалу он пытался что-то подправить, подновить. Потом махнул рукой. Авось не развалится до скончания его века. Поставил подпорки, забил сухим мхом щели между бревнами. Так и жил. Даже засов делать не стал. На вопросы мужиков неизменно отвечал:

– А что? Свои пускай входят, а жандармы все одно двери выломают!

Когда на дворе наступала ночь, он садился у лучины. Маленький язычок пламени тусклым светом слизывал грязь и копоть на покосившихся стенах, осевшие балки на потолке, редкую загородку в черном углу, где изредка шевелилась их единственная живность – тощая облезлая коза, давно не дававшая молока. Этот тусклый тепло-желтый свет размягчал духоту избы. Дождавшись, пока жена заснет, он сладко шурился и представлял разные причудливые истории, попадал в заморские страны, ходил на охоту со своим сыном, которого шесть лет назад унесла «горловая».¹²

Нет, все ж таки странным мужиком был Аким. И думы у него были чудные...

В эту ночь Аким с особым нетерпением ждал, пока заснет жена. Намедни мужики с энтими, из новой власти, проверять панскую усадьбу ходили. Само собой, поскольку пана там уже не было, каждый с собой что-то захватил – не задарма же столько пехом отмахать. Нет, не крупное – вдруг как пан обратно возвратится, – но для хозяйства полезное. Осип, к примеру, часы в котомку сунул. Маленькие – с чурбачок – но тяжеленные... Каменные, чудные, а уж как зазвонят – что в церкви на пасху. Он потом всю дорогу останавливался, ключиком вертел да на рычажок нажимал – колокольцы те послушать. Только у самой околицы перекрутил он что-то или нажал не туда. Пискнуло и замолкло. Вот уж Осип ругался! Посмеялись. Хотел выбросить, а потом пожалел, взял вместо гнета для капусты заквашенной. Хвилька, что через двор живет, посудой разжился. Аким бабе тоже всякие ножи да вилки притащил. Ерунда, конечно, а ей забава. Но сам он другую вещь заметил. И нашел-то случайно. Отстал от мужиков, решил в комодке проверить – может, чего осталось. Ящик отодвинул, на какую-то дощечку нажал, отскочили вдруг планочки, а там шкатулочка. А в ей – она. С хозяйского глаза – вещь

¹² Так в простонародье называли дифтерит.

совершенно бесполезная. Да только было что-то в ней, взяло его за душу. И домой придя, не стал показывать жене. Хотелось самому, в одиночестве рассмотреть и прикинуть – чем же эта вещица бесполезная так его внутренности царапнула, стоило только взглянуть на нее.

Аким дождался, когда затихла баба на печи за занавеской, достал вещицу, поднес ее поближе к пламени... Это был медальон удивительной работы. Как чуть приплюснутый лесной орех, выросший до огромных размеров. Обратная сторона гладкая, массивная, отполированная. А спереди – все по-другому. По краям тоненькие золотые веточки с легкими ажурными лепестками и сказочными цветами переплетались и при мигающем свете лучины словно дышали и росли. В завитках стебельков, как капельки росы, прятались мелкие прозрачные камешки, превращавшие тусклый свет пламени в лучики неземной красоты. И только в центре «ореха» золотые заросли расступались, образуя овал. В его глубине на чем-то белом, похожем на кость, был нарисован по пояс загорелый лысый старик в чудной одежке. Такую Аким видел в церкви у святых на иконах. Аким всматривался в портрет. И тот, казалось, в мигающем свете вырастал, увеличивался у него на глазах... Может, этот старик – святой странник из неведомых Акиму краев? Тех, что видел он только в своих думах? Но святые, что в униатской церкви или в костеле – желтые, вытянутые, как высохшие. А этот жил! Жили его лукавые, все понимающие глаза, жили мягкие загорелые складки лица, жили губы, тронутые чуть печальной мудрой улыбкой. Узловатые жилистые руки, по-крестьянски сложенные на животе, были удивительно родными, знакомыми. Словно пришел этот старик вечером со своего поля и посмотрел Акиму прямо в душу. Посмотрел, все понимая, – и сказанное, и невысказанное. Улыбнулся тихо и грустно. И почувствовал Аким – вот он, тот молчаливый собеседник, которому можно доверить все...

Аким уже ни о чем не думал. Он просто впитывал эту великую красоту. Но вот, когда язычок пламени моргнул еще раз, в косом неверном свете он заметил, что в глубине золотого венка одна веточка чуть не так расположена. Он потянулся, чтобы поправить...

Заскрипела низкая скособоченная дверь.

– Радуйся, Акимушка! – шипящий голос Аким не услышал – ощутил враз взмокшей спиной. – Радуйся! Гости идут!

Это был Нестор, сын лесника Филиппа. Но если днем этот юродивый, кроме улыбки, ничего не вызывал, то сейчас его голос звучал жутко, предвещая что-то страшное...

– ...весело будет, Акимушка! Готовь угощение!

Аким быстро сунул медальон в открытый ворот рубахи и медленно повернулся к двери, к Нестору. Дурачок, бормоча про себя что-то понятное только ему, крутился в странном танце. Огромная тень его лохматой головы металась по стенам, потолку.

...Четыре острых луча пропороли мрак и смрад избы, ударили по глазам Акима. Ударили и разбежались по разным углам.

Четверо в сапогах, с карабинами, молча, по-хозяйски вошли в Акимов дом. Один дал что-то блестящее Нестору и тихо сказал, что отец его разыскивает, ругается. Нестор быстро исчез. Четверо, ни слова не говоря хозяину, осмотрели по углам, за занавеской. Потом, почти одновременно, погасили фонарики. Двое встали за лавкой с разных сторон Акима. Один отошел к окну, четвертый застыл у двери.

Аким посмотрел на дверь. В темноте не было видно человеческой фигуры. Только матово белели позументы и полоски манжетов, ряд начищенных пуговиц и сверху огромный серебряный орел-кокарда. Аким понял все: кто пришел, зачем и кто сказал. Он вспомнил, кто заглядывал в комнату, когда он в поместье нашел медальон...

Меж тем человек мгновение помедлил, свыкаясь с тяжелым воздухом, шагнул через порог, к столу. Он был высок, строен, силен и уверен в своей абсолютной власти. Сел на лавку напротив Акима, взял со стола серебряный ножик из поместья, повертел, усмехнулся и отложил его в сторону. Посмотрел на хозяина дома. Потом перевел взгляд на одного из своих и

едва заметно кивнул в сторону Акима. Тот наклонился к нему и вытащил медальон за цепочку. Передал офицеру, который быстро и внимательно осмотрел его, спрятал в нагрудный карман френча. Вновь взглянул на Акима и тихо сказал:

– Что ж вы, не рады мне? Такого гостя, я думаю, здесь еще не было.

...Под утро деревня вздрогнула. Это был не просто крик. Вопль, в котором сплелись боль, отчаяние, ужас, безысходность. Над хатой Акима прямо в небо уходил черный столб дыма.

– А-а-а-а-а-а!..

Из тех домов, что были победнее, мужики и бабы бросились к Акимову двору. Хозяева покрепче смотрели на пожар с крылечек, а то и вовсе из-за занавесочек.

Но и те, кто бросился помочь, подбежав, растерянно остановились у самого двора. Чем поможешь?..

Горела свечкой хата, трещало сухое дерево. Осипшая, забытая коза бляла, ошалев от близости смерти. И треск огня не мог заглушить это бляние. Кричала Акимова жена, расцарапывая себе лицо и вырывая клоками волосы. Горел плетень.

Крик, треск, гарь, пламя...

Сам Аким висел посередине двора на сухом кривом тополе, который он так и не собрался срубить на дрова. Лица у него не было. На его месте была кровавая маска. В потоках горячего воздуха казалось, будто его тело в петле еще извивается и шевелятся ноги, пытаясь дотянуться до земли, чтобы пойти к людям, собравшимся у ворот...

И вдруг грохот. Обвалилась крыша, рухнули стены. Наступила тишина. Уже не было слышно треска бревен, сгорела коза. Смолкли крики жены Акима.

Отшатнувшиеся было люди, когда развалился дом, увидели, как женщина, за ночь ставшая глубокой старухой, медленно поднялась с земли. Не оглядываясь, пошла, неестественно прямая, прочь, от еще горячих углей родного очага, от тела убитого мужа.

Женщина безмолвно прошла в дыру прогоревшего плетня, мимо стоявших селян. Дальше, к роще, болоту...

9 октября 1919 года

Смолевичи

Машина легко бежала по ровному шоссе, уходившему на восток от Минска. Алексей, удобно устроившись на заднем сиденье автомобиля рядом с Астаховым, с интересом смотрел в окно. А Сергей Дмитриевич на природу внимания не обращал. Не до нее.

Эмиссар абвера! Вот что не давало ему покоя. Ланге ориентировал полковника на подготовку к приему эмиссара на советской территории. Что это означает? Может быть два варианта. Первый – эмиссар пойдет от Ланге на нашу территорию через «болотную банду». На этот случай Астахов и Рябов уже предусмотрели меры безопасности. А вдруг будет другой вариант? Если этот эмиссар до поры до времени таился где-то на нашей территории и теперь пойдет к своим. Не пустой же он придет... Но если он будет возвращаться, то скорее всего объявится в зоне действия этой загадочной пока банды, у болот. Остальные уже надежно блокированы. Алексей знает практически всех местных и сразу выявит чужого, как только тот появится. В этой ситуации необходимо скорее узнать, кто является пособником бандгруппы! Ведь именно он поведет эмиссара Ланге на болота. Полковник не оставил в Заброди своего проводника. А по болотам эмиссар просто так гулять не будет. Это верная смерть. Значит, пока, вероятнее всего, эмиссар будет пытаться с помощью «болотных» уйти за кордон.

Ждать нельзя. Чем скорее Алексей придет в свою деревню, тем лучше.

А Алексей думал о своем. Что ждет его в родных местах? Как примут его там после стольких лет? И что за таинственное учреждение эта школа, куда везет его Астахов?

Место, куда они приехали, оказалось совсем прозаичным, обыденно-будничным. Никаких загадок. Так, несколько уютных домиков, утонувших в зелени, посыпанные песком дорожки, по одной из которых ушел Астахов, оставив их вдвоем с Будником, «дамой-наставницей», как объяснил он Алексею.

Будник привел его в комнату, где лежал ворох одежды и обуви.

– Выбирай, – кивнул он на эту кучу.

Алексей нерешительно перебирал пиджаки, брюки, рубашки. Все они были чистые и аккуратные, но поношенные. Кое-где с заплатками. Ему совсем не хотелось расставаться с новым добротным костюмом.

– Ты что, может, миллионер? Думаешь на собственном авто прикатить на место? – усмехнулся, заметившего нерешительность, Будник.

– Да нет... – протянул Алексей, – обвыкнуть в ней надо, в новой одежде-то. А то начнешь карман искать там, где его никогда не было. Тут тебе и... Надо бы подобрать такую, как у меня при панах была. Привычной. Эта-то точно вся польская? Проверяли?

– Ты, парень, не сомневайся, – теперь уже серьезно сказал его опекун, – Сергей Дмитриевич, он мужик правильный, зря одежку не отберет. У него не то что у других – просечек не бывает. Понял? Давай меряй, надо в размер подобрать...

– Так это Сергей Дмитриевич сам отбирал?

– А то? Ну выбирай и одевайся, пообвыкнешь пока. Там поглядим, может, и поменять чего придется.

Когда минут через тридцать пришел Астахов, Алексей уже был в дешевом темном костюме и рубаше с широким свободным воротом, на ногах – крепкие, хотя и потертые, польские солдатские ботинки. Астахов критически осмотрел его, обошел со всех сторон. Но замечаний не сделал. Вроде все правильно.

– Пальто, шапку, шарф подобрали?

– Подобрали, – ответил Алексей и спросил с надеждой: – Может, я до холодов уже смогу вернуться?

– Может, и вернешься, а может, скрывать не буду, теплая одежда тебе очень пригодится... Ну-ну, не кисни, вдруг завтра похолодание? Да и то – если без вещей, как тетка и соседи пове-
рят, что насовсем приехал? Кстати, у тебя курево есть?

– А как же! – Алексей полез в карман и достал пачку «Зефира».

Сергей Дмитриевич помрачнел.

– Будник, я же вас просил проверить все мелочи. Замените, пожалуйста, на махорку, только не армейскую, а обязательно с базара, и кисет не забудьте.

– А оружие мне дадут?

– Оружие? – удивился Астахов. – Зачем оно тебе? Твое оружие – умение думать лучше, чем твой противник. Понял?

Алексей кивнул.

Астахов еще раз придирчиво осмотрел отобранные вещи. Отложил несколько книг, доба-
вил замызганную картонную коробочку с дешевыми польскими акварельными красками и
небольшую стопку желтоватой бумаги.

– Запомни: твоя основная задача – как можно скорее выявить пособников банды. Если
удастся, то примерное место ее дислокации. Но есть еще одна не менее важная – тщательно
смотри за появлением незнакомых людей около болот: они ждут человека. Очень опасный враг.
Возможно, кто-то из пособников поведет его в болота или за кордон. Как только кто появится,
сразу сообщай. Теперь о связи с нашим человеком...

Сергей Дмитриевич начал вновь и вновь повторять, заставляя заучивать пароль.

Это быстро надоело. Наконец Алексей не выдержал.

– Сергей Дмитриевич, а кому говорить этот пароль буду?

– Торопись, об этом я хотел побеседовать с тобой чуть позже. Но раз уж ты сам завел
разговор... Пароль ты, естественно, скажешь нашему человеку.

– Как я узнаю его?

– Держи! – Астахов протянул Алексею тускло блестящий медный ключ средних разме-
ров. Замысловатая фигурная бородка была приварена к полой трубке, кончавшейся кольцом,
через которое протянут вылинявший шнурок.

Алексей удивленно повертел в руках ключ, рассматривая его.

– Что это?

– Тоже пароль.

– А тот, что я заучивал?

– Тот – сам по себе. По этому ключу наш человек тебя узнает. Ключ должен подойти к
его замку. Вот к такому. – Астахов показал небольшой замок, похожий на калач. – Слова без
ключа – не пароль. Ключ без слов – тоже. Это как бы... ну, лонжа, что ли, по-цирковому. Мало
ли что случится. А так двойная страховка и тебе, и нашему человеку там. Теперь о легенде.
Она не для рядовых. Твоя легенда рассчитана на человека, у которого, судя по всему, есть одна
слабость. На ней-то мы и сыграем. Но полностью раскрывать карты надо только в крайнем
случае. Иначе легенда покажется слишком недостоверной.

– А если он захочет проверить?

– Тем лучше. Твой бывший хозяин Шехтер был весьма состоятельным антикваром, не
так ли? Об этом знали?

– Да. Он даже с иностранцами вел дела. И никогда не платил выше той цены, которую
называл сам. Месяц будет торговаться, два, а купит, как ему выгодно. Его коллекцию многие
видели и еще больше людей о ней знали. Некоторые специально приезжали посмотреть.

– Это очень хорошо. Но как проверить, действительно ли ты знаешь, где она сейчас? А в ней баснословные ценности, оставшиеся без хозяина. Взять их можно только, придя на место с тобой. Следовательно, тебе надо сохранять жизнь. Цепочку улавливаешь?

– Но если он действительно захочет взглянуть на этот клад?

– Тот, на кого мы играем, человек несвободный. Нельзя же бросить все и кинуться за сокровищами. Ну а уйти за границу банде мы не позволим...

Вечером они устало сидели на пороге домика, курили. Солнце зашло, но тьма еще не поглотила лес. Казалось, деревья тихо и беззвучно растворяются в вечерней тьме. Стволы, ветви, листва становились все призрачнее.

– Хотел бы написать? – Астахов внимательно посмотрел на Алексея.

Тот грустно кивнул.

– Да, Алеша, сложно. Я сам мечтаю, что когда-нибудь каждый будет заниматься своим любимым делом. Нет на свете ничего лучше. Но самое главное дело – сохранять свой дом! И ради этого приходится отказываться от многого... Сегодня ты отложил свою поездку в Москву и возвращаешься к тетке. Кто знает, скольким еще придется расстаться со своим делом, любовью, домом. Время жестоко. Кончили враги притворяться, они готовы к драке. Надо помнить об этом.

– Понимаю, чего там...

– Задача у тебя сложная, но с этими врагами ты встречался, работая в подполье. Некоторым вещам, пожалуй, сам можешь нас научить. И вот о чем хочу попросить: зря не рискуй! Но постарайся по возможности выяснить приметы хотя бы некоторых из этой банды, как они выглядят. И еще прошу: приготовь себя к тому, что тебя будут ждать самые неожиданные сложности. Ты сейчас как актер перед премьерой. Правда, актер репетирует, и от игры не зависит так много. А у тебя каждый день будут премьеры, но премьеры без репетиций...

«СТРЕПЕТ» – «ДОНУ»

«...Начальник абверкоманды Ланге встретился в пансионате «Астория-экстра» с неизвестным, которого в разговоре именовал «полковником». Полковнику даны задания по сбору разведанных на территории воссоединенных областей Белоруссии... Никаких имен не называлось. Ланге ориентировал полковника на подготовку к приему специального эмиссара абвера. Кроме того, полковнику предписано добыть действующие советские документы различного образца для снабжения ими засылаемых на территорию СССР агентов абвера. Ответственным за подготовку и осуществление этих акций является сам Ланге.

Приметы полковника: лет 43–45, рост 188–190 сантиметров, волосы темные, длинные, на висках с сединой, лоб высокий, чистый, нос прямой, глаза большие, темные. Телосложение правильное. Курит. Свободно и без акцента говорит на польском и немецком языках. Особых примет не имеет. Осуществить его скрытое фотографирование не представилось возможным. Вечером того же дня он отбыл в неизвестном направлении...»

РЕЗОЛЮЦИЯ НА СПРАВКЕ

Тов. Астахов!

Срочно по всем имеющимся каналам установить личность неизвестного полковника и конкретизировать район действий на советской территории.

Зам. начальника управления И. Г. Егупов.

...Земля – как большая сильная рука, уставшая от тяжелой работы. Натруженными мозолями вспухли горы и холмы, словно морщинки избородили дороги. Кажется, взглядишь внимательней в их причудливый

узор и читай как по ладони: что было, что будет, чего ждать от жизни, на что надеяться? А прочтешь, собирайся в путь, вставай на свою дорогу и отправляйся навстречу тому счастью, что нагадали...

Только верным ли то гадание будет? Доступно ли глазу человеческому линии земли прочитать? Слишком уж разное таят они. Кому судьбу дадут, а у кого и счастье отнимут.

Но даже если и случится чудо, и сможет кто растолковать хранящий тайну узор, вряд ли поможет это все. Потому что надо еще найти ту дорогу, что приведет тебя к предсказанному да ожидаемому счастью. Ведь часто людям только кажется, что они сами дорогу выбирают. Много чаще сама дорога выбирает людей и заставляет идти в неведомое. И счастье находит не тот, кто о нем только думает, а тот, кто в неизвестность шагать не боится.

Но это потом. Сначала надо найти ее, свою дорогу, ту, что станет для тебя линией жизни и судьбы. И гложут сомнения: туда ли пошел ты, сделав первый шаг, на ту ли дорогу вышел? Быть может, твоя не эта, а вон та, что бежит рядом, призывно маня, а потом исчезает в тумане? А может, другая, которая пересеклась с твоей и ушла в неизвестность?

Кажется, делай шаг, и вот – нашел! Ступаешь в сторону на другой путь, оставляя в стороне ту, первую, дорогу. Оглянулся, думая, что всегда можно по тропке и возвратиться – ведь рядом они идут! Но теряется тропка в тумане, пропадает вдали прежняя дорога, и сам уже не можешь ответить, что же было твое – те каменистые ухабы, где сбиваешь башмаки, или эта мягкая пыль, теплая и ласковая, которая сохраняет твои следы, но забивает глаза, уши, рот...

Какими бы ни были пути, ступив, каждый человек уверен, что он долгий.

Но землю-ладонь рассекли шрамы – окопы. Одни старые, уже заросшие травой и деревьями. Другие зияют чернотой и болью, как свежие раны. Пересечет этот шрам дорогу, и оборвется у кого-то линия жизни, судьбы и любви. Внезапно, жестоко и беспощадно.

Так что же, не верить в свою дорогу? Или, забыв обо всем, мчаться вперед? Или искать, не боясь задавать себе вопрос: а что там в конце пути? Что?..

10 октября 1939 года

Белая Вежа

Тепло. Совсем еще по-летнему греет осеннее солнце. Нежится в этом тепле маленький городок. Выгнулись, подставляя спину последнему теплу, горбатенькие, мощенные брусчаткой улочки. Застыли в истоме придорожные кусты, собравшие на своих листьях всю пыль прошедшего лета. Даже старая башня на краю городка, помнящая еще, наверное, Грюнвальд, тоже греется на солнце. И только редкие сизо-холодные тучи на небе напоминают, что уже осень и холода все ближе и ближе. Впрочем, в этот день все люди в Белой Веже были озабочены не наблюдениями за погодой. Воскресенье – базарный день. Не купишь – так хоть среди народа потолкаешься, товар посмотришь, новостей наслушаешься. Такой увидел Белую Вежу Алексей, сойдя с попутной полуторки, подбросившей его со станции до городка.

Он был, пожалуй, единственным, кого беспокоила темная полоска на горизонте. От городка до его деревни Живунь верст тридцать, не меньше, лесом, мимо болот. А ну как дождь застанет в дороге?! Да и идти пешком совсем не хотелось.

... На базарной площади торговали всякой всячиной и за всякие деньги. Торговали с прилавков и с рук, с лотков и не слезая с телег. Алексей шел между возами, полупустыми и груженными, прикрытыми рогожами и рядом, ощущая знакомые с детства запахи дегтя, сырмятной упряжи, духмяного сена, и размышлял, как же узнать, кто поедет в его сторону? Спрашивать – глупо, весь базар не спросишь! Прислушиваться к разговорам – тоже ненадежный способ, но все же предпочтительней – меньше обращает на себя внимание.

В самом конце рядов, там, где кончаются прилавки, Алексей увидел пустую телегу, на ней удивительно знакомого мужика. Остановился приглядываясь.

Точно, из Живуни... Как же его зовут? Через двор или через два живет от тетки. Осип? Ну да, Осип! Осип Дондик. Килина еще рассказывала в последний приезд, что совсем жадность мужика заела. Правда, богатства Осип не нажил, но и лучше не стал. Точно, он это. Жена еще у него горластая такая, все кричала пронзительно то на детей, то на мужа, то на скотину, то на соседей...

Не подозревая, что Алексей рассматривает его, стоя за возом, груженным сеном. Осип меланхолично дожевывал хлеб, потом свернул чистую тряпицу, в которую тот был завернут, и начал разбирать вожжи.

Алексей затоптал окурок и, подойдя к телеге, тронул Осипа за рукав. Тот удивленно обернулся.

– Здравствуйте, дядя Осип, не признали?

Осип нахмурился, чувствуя, что от этого парня так просто не отвяжется и, судя по всему, придется чем-то помочь, потому как знакомый или, не дай бог, забытый родственник жены. А помогать, естественно, ничем не хотелось, и он спросил:

– Ты чей будешь-то? Чой-то я тебя не припоминаю? Часом, не обознался?

– Да тетки Килины я племянник, Алексей! Ну, через двор! Неужто совсем забыли? Я тогда еще пацаном бегал... вспомнили?

– А-а-а... Килины... Племяш, значит? – с явным облегчением вздохнул Осип. – Да-да... Ну и что?

– Вспомнили! – искренне обрадовался Алексей. – Вы меня еще однажды крапивой отходили, когда мы с пацанами на огороде...

– Ну, вспомнил не вспомнил... Не время мне в гадалки-то играть. Домой пора трогаться – надо еще засветло поспеть. Ты, это, давай дело говори: Килине чего сказать или передать желаешь, так давай. А просто подошел, на том и спасибо. Ну и распрощаемся...

– Да нет. Сам вот к тетке с городу добираюсь. Возьмете?

– Сам... Вишь ты. Что у нас делать-то будешь? Ты вона какой городской. А мы от землицы...

– В городе-то, дядько Осип, сейчас толку мало. От немца вот едва ноги унес. Да и кто знает, чего дальше будет... Утощайтесь.

Осип одобрительно крякнул и запустил давно не мытые, заскорузлые пальцы в предусмотрительно подставленный Алексеем кисет. Закурили.

– Оно, конечно, так... Так ведь и в деревне-то невесело. – Осип быстро оглянулся по сторонам и длинно сплюнул.

– Так какое мне веселье?! Подхарчиться малость. Да и Килине, может, помочь. Так возьмете?

Осип не торопился с ответом, что-то обдумывая и прикидывая.

– Ты теперича сам-то из каких будешь? Из энтих? – И он кивнул куда-то в сторону центра городка, где располагались недавно открытые советские учреждения. – Альбо еще из каких?

– Не, мне ни до тех, ни до «энтих» дела нет. У самого дел по горло. Да возьмите ж! Дядько Осип! Не развалится телега ваша.

Осип понял, что от Алексея все равно не отвяжаться, и махнул рукой – ладно, мол, садись.

Алексей обрадованно закинул в телегу чемодан, перевязанную веревкой тоненькую стопку книг и сам примостился на пустых мешках, устилавших дощатое дно телеги.

Осип еще раз покосился на него, вздохнул о чем-то своем и хлестнул вожжами по спине кобыленки:

– Но-о... Холера...

Телега продребезжала по булыжникам мимо низких домиков, спрятавших окна в кустах палисадников, мимо старой сторожевой башни и выкатилась на мощенное брусчаткой шоссе, обсаженное по краям стройными липами.

– Паны построили, – полуобернувшись, кивнул на шоссе под колесами Осип, – а энти пришли, говорят: «Со-ци-лизм вмeстя построим...» Во! Не слыхал, что за штука такая?

– Нет, – соврал Алексей, – не слыхал. Сейчас много чего говорят.

«Рано мне с ними политграмотой заниматься, – подумал он. – Дело покажет, что к чему. А вот что этот старый бес никогда не слыхал про социализм и не знает, что это такое, поверить трудно. Щупает, кого везет. Ох и недоверчив!»

Через некоторое время они свернули на проселок. По сторонам разбитой грунтовки потянулся кустарник. Постепенно он становился все гуще, а дорога уже. Незаметно начался лес. Телега мягко подпрыгивала на кочках, переваливалась через корни, вылезшие на дорогу. Теплая, чуть желтоватая от солнца, увядших листьев и жухлой травы лесная тишина настраивала на спокойный лад. Вот так бы лежать в телеге, глядеть в небо, провожать глазами летящие листья и не думать ни о чем. «Может, и нет никакой банды? Или ушли они давно отсюда? Разве не могли ошибиться там, в Минске. Тишина-то здесь какая!»

Лошаденка Осипа споро тянула телегу. Лес по сторонам дороги потемнел, стало смеркаться.

– Дядько Осип, а у вас часов случаем нет? Сколько там? – Своих часов у Алексея, естественно, не было.

Вопрос оказал какое-то странное действие. Осип сразу сжался, втянул голову в плечи, осторожно повернулся к полулежавшему в телеге пассажиру и с подозрительной опаской посмотрел на него.

– Нету у меня часов! – зло буркнул Осип, отвернувшись от Алексея. – Нету! И не было никогда! И не нужна мне эта гадость! Мне и так хорошо, без стрелочек этих, с колокольцами. А предложил бы кто – так даже погоню с порогу. Без них хлопот хватает...

Осип разнервничался. Он-то, конечно, сразу после пожара часы, что принес из панского имения, в отхожее место сбросил. Разное люди говорили: слышать было, что Акима за вещи, взятые в имении, порешили. Так уж лучше от греха... Потом понял, что промашку дал. Надо бы незаметно назад возвратить. Да не вылавливать же их теперь из выгребной ямы?! Но затаенное беспокойство точило Осипа. И вот теперь этот мальчишка. Может, он...

– Ну, нет так нет, – успокоил Осипа удивленный Алексей. – А чего в деревне нового? Как там?..

– Нового полно, – неохотно ответил Осип, – так и думаешь, куда бы выплеснуть. Сам все узнаешь... Чего лясы-то точить...

На самом же деле Осип был не прочь поговорить. За разговором оно и дорога покороче. Но теперь молчание лучше. Особливо с незнакомым. Кто его знает, кто он теперь будет, племяш-то этот? А молча все целее будешь!

Алексей понял, что расспрашивать Осипа бесполезно, и снова засмотрелся на дорогу. Представил, как бы он написал все это. Маслом. Нет, лучше акварелью. Он возьмет эту полянку с желтыми, как капельки засохшей смолы, поздними цветами и нарисует ее с правой стороны. Что будет держать центр, всю картину? Вот тот черный ствол дуба на краю поляны. Он так его и напишет, корявым, с дуплом и наростами. Только вон тот, правый нарост он уберет, он лишний и не вписывается в пейзаж. Впрочем...

Алексей мгновенно забыл о своем наброске. «Нарост» отделился от ствола. Это был человек. Он пошел им навстречу. За ним появился второй.

– Стой! – приказал первый, когда они подъехали к нему.

Осип натянул вожжи. Кобылка послушно встала, поджав переднюю ногу и потряхивая кудлатой гривой. Алексей привстал в телеге и внимательно взглянул через плечо Осипа на того, кто отдал им приказ.

На дороге стоял кряжистый мужчина в темной долгополой шинели грубого сукна. На околыше квадратной фуражки белым пятном пластался орел. Мужчина сделал шаг вперед и поднял карабин. Черный, такой несерьезный издали дульный срез остановился на уровне груди Осипа. Тот разом вспотел, зажмурился и стал тихо шептать молитву.

Алексей оглянулся. Вторым, помоложе, в кожаной куртке, стоял сзади.

– Кого везешь? – тот, что постарше, по-хозяйски взял лошадь под уздцы, держа карабин одной рукой.

– А-а-а... Этот, что ли? – Осип открыл глаза и кивнул на своего единственного пассажира. Ему вдруг захотелось, чтобы время невообразимо растянулось, что бы спокойно сесть и подумать, сообразить, как из всего этого выпутаться. Осип уже забыл и о том, что у него могут отнять вырученные на базаре деньги. Тень утопленных в нужнике часов тяжело сдавила его душу, заставила жалко дрожать голос.

– Да сродственник... Не, не мой! Кирины с нашей вески... Племяш ее... – Осип быстро облизал пересохшие губы. – С городу к тетке подается. На базаре пристал... Ага...

Он ждал, что следующим вопросом... И тревожно вглядывался в лица лесовиков. Ни старого, ни молодого он не знал. Это его и радовало, – может, все и обойдется, – и пугало, как все незнакомое.

– Племяш? А ты не врешь?

– Брони боже! Как можно обманывать пана!

– Ну это мы сейчас посмотрим, можешь или нет... Эй!.. – Тот, что постарше, обратился к Алексею: – Племяш! Документ маешь?

– Имею, – быстро кивнул Алексей и протянул паспорт. Старый, потертый польский паспорт, с визами на жительство в Варшаве, Кракове, отметками полиции и жандармерии доброго десятка польских воеводств, где проходили гастролы его цирка. Этот его паспорт разыскал и вручил ему перед отъездом Астахов.

– А вы кто будете, панове? – пока старший читал паспорт, спросил Алексей.

– Власть местная, – усмехнулся молодой.

– Это ж которая? – «удивился» Алексей.

– Настоящая! – хмуро отрезал старший. – Ты что, ничего не понимаешь, что ли?

– А что сейчас поймешь, панове? – притворно вздохнул Алексей.

Из паспорта выпал железнодорожный билет. Молодой нагнулся, поднял, повертел.

– С Белостоку едешь? – Голос у него был с простудной сипотцой.

«Стынет, наверное, в болотах», – подумал Алексей. И еще раз подивился предусмотрительности Астахова. Вне всякого сомнения, человек, едущий с запада, а не из Минска, вызывал у стоявших перед ним меньше подозрений.

– Так есть, панове. С Белостоку...

– В войске был? – кивнул на солдатские ботинки Алексея старший. – Жолнеж?¹³

– Где то войско, панове? – уклонился от ответа Алексей. – Едва ноги унес. Подался до тетки, а тут уже русские...

– Это что? – Молодой бесцеремонно поддел тесаком крышку чемодана. Концом клинка переворошил бедные пожитки. – А то? – И он ухватил тощую связку книг, напрягая глаза, прочел в сумеречном свете по-польски: «Цирковая магия и иллюзион». – Это что, фокусы, что ли?

– Так есть, пан. Фокусы.

– Фокусник?! – вдруг зло ощерился пожилой. – Может, с чужой землей фокусничаешь! Гольтьбе раздаешь?!

– Что вы, панове! – Алексей изобразил испуг. – Я в жизни фокусами не занимался. Я выступал с оригинальным номером «Борьба самураев»...

– Оставь, то не он... – примирительно сказал молодой.

– Ишь, борец выискался! Самурай... – Старший с недоброй улыбкой посмотрел на не слишком внушительную фигуру Алексея. Видимо, он уже понял, что ни на землемера, которого они ждали, ни даже на захудалого лектора-пропагандиста парень не тянет.

– Ладно, проваливай... – сунув паспорт, скомандовал он и шагнул в сторону.

– Езус-Мария! – прошептал враз оживший Осип, быстро перекрестился и, привстав, ударил лошадь. – Но-о-о!

Колеса запрыгали на колдобинах. Лошадь загнанно хрипела. А Осип все подгонял и подгонял ее, тревожно оглядываясь назад – а вдруг они просто забыли про него и сейчас вернут, спросят про часы...

– Фу-у... Сцибло им в тыл!.. Так ведь и убить могли... – Уже порядочно отъехав от того места, Осип перестал нахлестывать кобылу, сразу перешедшую на шаг. Отер обильно выступивший пот.

– Убить? За что? – подвинулся к нему Алексей.

– За что?! – Осип сплюнул. – А так...

– И кто это был, а, дядько Осип? – Алексей попробовал зайти с другого бока, чтобы получить хоть какую-то информацию.

– Любопытный ты! Погоди, поживешь тут, сам узнаешь... В лесу тоже, я слышал, уши есть. А я на тот свет не тороплюсь... Кто да кто... – Но пережитое Осипом напряжение требо-

¹³ Солдат (польск.).

вало выхода, и он не мог не говорить. – Знаешь как: в суде крючки, в лесу – сучки, в земле – черви, а в болотах – черти... Ага...

– Какие черти?

– Болотные, знамо дело... – хохотнул довольный собой Осип. – Понял?

– Вполне...

Стало ясно, что больше от Осипа ничего путного не добьешься. Но тот через некоторое время, когда уже проехали старый замшелый крест, стоявший недалеко от деревушки, вдруг заговорил сам:

– Не ко времени ты едешь... Нету здесь спокойствия, – уловив немой вопрос Алексея, только махнул рукой. – Нечего объяснять... Только ехал бы ты назад.

Осип сказал это с такой тоской, что Алексею на миг стало не по себе. «Если уж и Осип предупреждает, значит, Астахов не ошибся. М-да, вот и первая встреча... Но с теми ли? А, ладно, главное, что я уже здесь, а не остался там, на дороге. Только уж больно хмур Осип. Случилось тут что?»

Они въехали на пригорок, за которым начиналась их деревушка. Здесь было светлее, чем в лесу. Алексей почувствовал волнение от встречи с чем-то давно забытым, призрачным, почти нереальным. Здесь прошла часть его детства, здесь ему открывался мир, и о тех чистых и светлых минутах он вспоминал, когда ему было совсем плохо.

Солнце уже заходило, и сверху казалось, что воздух, наполненный желтизной, окутывал все: дома, деревья, дворы, сараи. Купола деревенской церквушки, стоявшей на другом конце, от этих закатных лучей светились как золотые. Рядом и чуть ниже тусклым серебром мерцали бревна старой кладбищенской часовенки. И среди этого спокойствия, ближе к околице, как загнившая язва, чернело пепелище...

– Но-о! – Осип снова подстегнул кобыленку.

Они подъехали к его двору.

– Дальше сам пойдешь. Не забыл дорогу? – Осип спрыгнул с телеги. Алексей тоже слез на землю, взял под мышку чемоданчик с вещами, связку книг.

– Спасибо вам, дядя Осип! Очень вы меня выручили.

– А что, при новой власти все за спасибо делается? Альбо как? – Осип рассерженно посмотрел на Алексея.

Тот удивился. Обычно, когда по пути, деревенские денег не требовали. Тем более после таких приключений, в которые они вместе попали. Но спорить не стал.

– Тебе в каких? – спросил он и достал вместе с советскими рублями польские злотые и даже несколько мятых немецких марок.

Осип растерялся. По нынешним временам в этих новых деньгах, конечно, сподручнее. А вдруг как перевернется все и понадобятся в старых бумажках деньги? Куда он тогда эти, советские, денет?

Наконец сошлись. Половину стоворенной цены хозяйственный Осип взял в привычной польской валюте, половину – в рублях и копейках...

Теткин двор встретил тишиной. Покосившаяся ограда поросла лебедой и уже пожелтевшими мясистыми лопухами. В подслеповатых окошках избы теплился свет. Алексей еще раз оглянулся на свежее пепелище и толкнул скрипучую дверь.

В избе – неверный, колеблющийся свет свечей и чей-то глуховато бубнящий в полумраке голос:

– ...во смерти нет приемствования о тебе: во гробе кто будет славить тебя? Утомлен я воздыханиями моими. Иссохло от печали око мое...

Читали псалтырь по покойнику.

Алексей невольно вздрогнул и осмотрелся. Чинно по стенам сидели на некрашенных лавках одетые в темное старушки. На столе закрытый, неструганный, видимо, сколоченный наспех

гроб. В изголовье оплывала воском тонкая церковная свеча. Читавший псалтырь мужчина остановился и, повернувшись к вошедшему, посмотрел на него, щурясь за стеклами очков в проволочной оправе. Повисло гнетущее молчание.

«Господи! Неужто Килина померла? – обмер Алексей. – Чего же теперь делать?!»

Одна из женщин поднялась и подошла к нему. Вгляделась и, тонко всхлипнув, припала к его груди:

– Алеша! Родненький! Приехал...

Алексей смог только кивнуть, обнимая сухонькие старческие плечи тетки. Горький горячий комок встал в горле, мешая говорить. Наконец он хрипло сказал:

– Я это... Здравствуй... Я...

Килина отстранилась, как слепая провела руками по его лицу, плечам, груди и снова обняла:

– Я уже всех угодников обмолила... Чтоб спасли тебя и сохранили. Услыхал господь мои молитвы – живой! Ну пойдем, пойдем...

Они вышли на крыльцо.

– А это... кто? – глухо спросил он, кивнув в сторону хаты.

– Сосед мой, Аким... Да ты и не помнишь небось? Хата его рядом была...

– Погорел?

– Нет... – Тетка, отстранившись, утерла глаза краем платка. – Убили его давесь. А хату сожгли...

– Кто?

– Кто ж их знает?! Люди говорят, банда у нас тут в болотах, за лесом... Ночью было... А в утро – пожар...

Второй раз за сегодняшний вечер он встречался с бандой. И так страшно! А тетка, мелко крестясь, говорила:

– ...По-христиански все надо-то. Собрали вот его по-соседски. Батюшки-то нету – пропал наш батюшка. Вот Паисия Петровича попросили почитать над упокойником... По-христиански надо... Пойдем, провожу, умоешься с дороги-то. Голодный небось? Поесть надо...

Тетка, ласково приговаривая, повела его на другую половину избы. Сзади них снова глухо забубнил над псалтырем местный грамотей Паисий Петрович.

Алексей поставил в угол свой чемодан, пристроил сверху связку с книгами и тяжело опустился на лавку, слушая немудреный рассказ тетки о том, как покойный Аким взял что-то в панской брошенной усадьбе. А потом налетели, пожгли. За разговором тетка не забывала собирать на стол. Перед Алексеем появилась холодная картошка в чугушке, пожелтелые поздние огурцы, ноздреватый хлеб, небольшой глечик с молоком.

– Как теперь жить-то будем, и не знаю! Есть до нас новым властям дело или нет? Слыхать там что в городе-то? Ты ешь, ешь.

Тетка села напротив и, подперев голову рукой, жалостливо смотрела, как он жадно ел, двигая желваками на осунувшемся лице.

– Есть, наверное, тетя, есть... – Алексей подвинул к себе чугунок с картошкой. Еще по дороге сюда он решил ничего не говорить Килине. Пусть и она поверит в его легенду. А там будет видно.

– И-и-и... – махнула сухонькой ладошкой Килина, – власть-то, она где? А энти, из болота, – вот они, рядом!

Алексей невольно покосился в сторону, куда махнула тетка.

– Почем вы, тетя, знаете, что они тут рядом, в болоте? Видели их, что ли?

– Нет, я, слава богу, не видала... Люди говорили. Боятся теперь мужики в усадьбу ходить. Да и в лес-то без охоты идуть. А зима, а дрова... Ох, лишенько... Скажи, милый, лучше, ты-то как? Здоров ли?.. Небось ученым стал?

– Скажете, тетя. Какой с меня ученый? Так – недоучка... Время-то тревожное, не до учености, лучше здесь переждать, поспокойнее...

– Нашел покой! – поджала губы тетка. – Поляков побили, за кордоном он – германец, а я его, лютого, с той войны помню. В лесу – банда, за лесом – болота, а за ними – новая власть. Приезжали тут прикордонники от новой-то власти. Ничего, справные... Говорили, к зиме болота подмерзнут – выкурим банду, а то и ране. Мол, не попустит власть. Ох, да пока солнце взойдет – роса очи выест...

– Выкурят, тетя, не выкурят их с болота, а жить-то надо. Побуду у вас пока, по хозяйству подмогну чего надо.

– И когда она, жисть-то, будет? – вздохнула тетка, прибирая со стола. – То одного боялись, то другого... Слышь, Алеша, а не слышать, надолго эта власть-то?

...Лежа на старом сеновале, где постелила ему тетка, Алексей снова перебирал в памяти события последнего дня.

Ходившие по небу тучки все же сгустились. По крыше сначала робко, будто пробуя, ударили первые мелкие капли дождя. Потом они, словно осердясь, застучали чаще, требовательней, и наконец их дробный перестук стал монотонным, мерным, как ровный шум недалекого, еще не совсем голого леса. И, утомленный впечатлениями дня и своими раздумьями, Алексей заснул...

Живунь

Ну и погода – так и сечет косым мелким дождем. То ли есть луна, то ли полное безлунье – поди разберись в этой сырой похлебке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.